

Глава 25. На коленях в родовом храме

Цзин Юньшу поспешил оборвать её, строго прикрикнув:

— Молчи! Не тебе здесь слово держать. Ступай прочь!

Но Чжили лишь опустила на колени и взмолилась:

— Молодой господин, да откройтесь же вы главе семейства! Наш господин справедлив и беспристрастен, он ни за что не станет винить вас напрасно.

Цзин Юньшу поспешно склонился в вежливом поклоне, сложив руки перед грудью:

— Всё по моей вине, отец. Сам недоглядел за слугами, не научил их должному почтению.

Юнь Буши нахмурился и властно бросил сыну:

— Пусть говорит. Похоже, она знает меня лучше, чем ты сам.

Чжили, едва сдерживая слёзы, заговорила:

— Глава семейства не знает всей правды... Мой молодой господин с великим трудом отыскал два великолепных чайных набора. Набор фарфоровых чаш с лотосом был самым изысканным. Сегодня днём второй молодой господин пришёл навестить брата и застал его за уборкой. Увидев эту драгоценную посуду, он тут же загорелся желанием забрать её себе. Но молодой господин Юньшу столько сил и времени положил на поиски, что, разумеется, не мог просто так отдать её. Однако второй господин принёс в подарок целебный женьшень, и Юньшу, растроганный такой братской заботой, предложил отдать ему тот набор, что предназначался главе семейства, а лучший — всё-таки оставить вам, отец.

Голос Чжили дрогнул, и она всхлипнула:

— Но второй молодой господин лишь сильнее разгневался. Стал говорить, будто наш господин только и умеет, что заискивать перед отцом, и заявил: раз ему не отдадут лучшее, то пусть не достаётся никому. С этими словами он разбил набор фарфоровых чаш с лотосом вдребезги и ушёл. Молодой господин Юньшу долго горевал в одиночестве, но, не желая тревожить вас, приказал мне тайно закопать осколки. От того набора фарфоровых чаш с лотосом уцелела лишь одна пиала. И поскольку дарить разбитый гарнитур родителю непозволительно, молодой господин велел отослать эту пиалу второму брату — дабы не разрушать братские узы.

Цзин Юньшу вновь почтительно поклонился:

— Отец, винить здесь стоит лишь меня. Не следовало упрячиться, когда второму брату так приглянулась эта вещь. Я лишь расстроил его своей несговорчивостью. Поступил опрометчиво, оттого и таил всё, не смея тревожить вас. Прошу, простите мою глупость.

Юнь Буши прекрасно знал нрав своего второго сына, Юнь Вэня. Тот уже вырос, завёл собственную семью, и отец частенько закрывал глаза на его мелкие выходки, если они не переходили границ. Но на сей раз дерзость задела его самого.

Он помрачнел от гнева.

— Твоей вины тут нет! — сурово отрезал он. — Твой брат вконец обнаглел. Ты пёкса о семейном ладу, а он растоптал все приличия! И какие мерзкие речи посмел вести! Эй, кто-нибудь!

Цзин Юньшу поспешно шагнул вперёд, преграждая ему путь, и заговорил с тихой грустью в голосе:

— Прошу вас, отец, не нужно. Я и без того чувствую себя неблагодарным сыном. С детства из-за слабого здоровья я был вынужден жить вдаль, на горе, лишённый возможности преданно заботиться о родителях. Всё, что я могу — слать вам никчёмное золото да серебро, дабы хоть так выразить свою сыновнюю любовь. Сердце моё разрывается от стыда. Если же моё возвращение в родные стены обернётся раздором во всём доме, тяжесть этого греха раздавит меня. Не позволяйте делу зайти так далеко, молю вас, пощадите мой покой.

В этот момент за дверью показался слуга, услышавший призыв хозяина:

— Господин, будут ли повеления?

Юнь Буши посмотрел на покрасневшие глаза Цзин Юньшу, вздохнул и устало махнул рукой слуге:

— Свободен. Ступай.

Повернувшись к младшему сыну, он уже мягче произнёс:

— Родить и вырастить дитя — долг родителей, и платы за это они не ждут. О своём здоровье думай прежде всего, это сейчас самое важное. — Он помолчал, словно чувствуя неловкость от того, что принимает столь ценный дар. — Подарок твой мне по душе. Ты проявил редкое почтение. А теперь возвращайся к себе и хорошенько отдохни.

— Рад, что угодил вам, отец, — тихо отозвался Юньшу. — Позвольте откланяться.

Вернувшись в свои покои, Цзин Юньшу сел у окна. В ту же минуту Чжун И извлёк из-за пазухи изящную подвеску для веера.

Это была цикада, выточенная из чистейшего нефрита. Гладкая, с мягким влажным блеском, она казалась живой — резчик с поразительной точностью передал мельчайшие прожилки на её прозрачных крылышках. Прелестная безделушка для услады глаз.

Цзин Юньшу повертел её в пальцах, любуясь игрой света, и протянул Чжили:

— Спрячь понадежнее. И смотри, чтобы никто не увидел.

Затем он перевёл взгляд на Чжун И:

— Нелегко, должно быть, пришлось? Искать веер посреди зимы.

— Вовсе нет, — отозвался Чжун И. — В сундуке лежало несколько вееров в чехлах. Стоило открыть крышку, как они сразу бросились в глаза. Я аккуратно снял подвеску с одного из них, а веер вернул на место. Пропажи никто не заметит.

Нынче среди благородных мужей, особенно для удобства верховой езды, в моду вошли пояса Диесе с подвесками, отчего громоздкие нефритовые пластины у пояса носили редко. Если и искать личную вещь, которая без труда выдаст владельца, то подвеска для веера подходила как нельзя лучше.

Задумка Юньшу была проста: пока Чэнь Лян отвлекал внимание челяди во Дворе Длинного Кедра, вручая ту самую пиалу, Чжун И должен был бесшумно перемахнуть через стену и стащить вещь, способную подтвердить личность Юнь Вэня. Обычная предосторожность — делать шаг, просчитывая три последующих.

После ужина Цзин Юньшу немного передохнул, а вскоре Чэнь Лян доложил, что второй молодой господин вернулся в усадьбу.

Собрав остатки сил, он поднялся с постели.

Чжили тут же набросила ему на плечи подбитый мехом парчовый халат поплотнее:

— Ночи нынче студёные, оденьтесь теплее, молодой господин.

Юньшу прекрасно знал, насколько слабо его тело, и холод действительно пробирал до костей.

Спорить он не стал — в его положении глупо жертвовать теплом ради праздного изящества.

Переодев Чжили и Чжихуа в простые серые платья кухонных служанок, он велел им ступить к Двору Облачного Павильона, где в это время ужинал и отдыхал отец вместе с законной супругой. Сам же Юньшу в сопровождении Чжун И и Чэнь Ляна направился к обители второго брата — во Двор Длинного Кедра.

Тем временем захмелевший Юнь Вэнь, поддерживаемый под локоть слугой, ввалился в свои покои. Первое, на что упал его мутный взгляд — стоявшая на низком столике фарфоровая чаша с лотосом. Её фарфор мягко светился в полумраке.

Внутри у него тут же вскипела злость.

— Это ещё откуда?! — рявкнул он.

Ещё в Башне Опирающегося Аромата, развлекаясь с приятелями, он всю честил этого прихвостня Юньшу. Он никак не ожидал, что чахлый заморыш окажется столь строптивым. От одной мысли об упущенном подарке его душила обида; ему нестерпимо хотелось сорвать с брата одежды и засечь его плетью до полусмерти, чтобы тот выл и молил о пощаде.

Его супруга, госпожа Мэй, поспешила удержать мужа:

— Это прислали из Двора Чистого Бамбука ещё днём. Сказали, третий молодой господин возвращает то, что причитается вам.

Юнь Вэнь опешил. «Возвращает то, что причитается?» В его хмельной голове эта пиала показалась злой насмешкой, немым напоминанием о том, что днём он ушёл ни с чем. Он уже замахнулся, чтобы швырнуть её на пол, но замер. Вглядевшись в тончайшую работу, он подумал: «А вещица-то знатная. Неужто этот сопляк решил приползти с повинной?»

Пока он колебался, с улицы донёсся голос слуги:

— Молодой господин, к вам пришёл третий брат из Двора Чистого Бамбука.

Юнь Вэнь злорадно ухмыльнулся:

— Вот как? Явился-таки! А у него есть смелость!

Он налил себе полную чашу остывшего чая, осушил её залпом, утёрся широким рукавом и,

прихватив пиалу со стола, решительно направился к воротам двора.

Госпожа Мэй испуганно засеменила следом:

— Муж мой, прошу тебя, будь осторожен.

— Сиди дома, — грубо оттолкнул её Юнь Вэнь. — Я сам с ним потолкую.

У ворот, озаряемый холодным лунным светом, стоял Цзин Юньшу. В широких одеждах, спрятав руки в рукава, он казался хрупким и бледным, словно выточенным из нефрита.

Юнь Вэнь невольно залюбовался им, но тут же тряхнул головой. «Сначала приберу этого паршивца к рукам, а там разберёмся», — подумал он. Сделав глубокий вдох, чтобы унять хмель, он вышел навстречу:

— Что привело третьего брата в столь поздний час?

Юньшу вежливо склонился:

— Днём я проявил непочтительность и разгневал второго брата. Вот, пришёл просить прощения. Надеюсь, мой скромный подарок пришёлся вам по душе?

Уверившись, что младший действительно пришёл мириться, Юнь Вэнь расплылся в улыбке и бесцеремонно схватил его за тонкие пальцы, поглаживая ладонь:

— Ну что ты, братец, как я могу сердиться на тебя?

Цзин Юньшу мягко, но уверенно высвободил руку и перевёл взгляд на слугу, стоявшего за спиной брата:

— Передай мне пиалу. Я хочу показать второму брату одну тонкость.

Юнь Вэнь попытался увлечь его за собой:

— Пойдём в дом, там и поговорим.

— Не стоит, — вежливо отказался Юньшу. — У второго брата в покоях супруга, мне негоже смущать её присутствием. Сделайте несколько шагов навстречу.

С этими словами он отступил в густую тень раскидистого дерева у забора. Заинтригованный Юнь Вэнь послушно последовал за ним.

Приняв из рук слуги фарфоровую чашу с лотосом, Цзин Юньшу покрутил её на ладони:

— Красивая вещь, не находите?

Юнь Вэнь, не сводя с него плотоядного взгляда, закивал:

— Чудесная, просто чудесная.

Цзин Юньшу чуть прищурился, и его голос зазвучал тихим, вкрадчивым шёпотом:

— Жаль только... весь гарнитур разбился. Осталась лишь эта чаша. Одинокая, никчёмная... Без своей пары она — всего лишь дешёвый брак. Но второму брату, пожалуй, в самый раз. Недоделкам вроде вас такая посуда как раз по статусу. Берите, не стесняйтесь.

Юнь Вэнь изумился. Алкоголь мгновенно ударил в голову, смешиваясь с бешеной яростью.

— Ты... ты... Юньшу! Ах ты гадёныш!

Юньшу протянул ему пиалу:

— Что же вы не берёте? Этот мусор создан для вас. Откажетесь — пропадёт даром.

— Тварь! Да как ты смеешь! — взревел Юнь Вэнь и со всей силы хлопнул брата по рукам, выбивая пиалу.

Чжун И среагировал мгновенно: рванулся вперёд и увлёк Юньшу назад, уберегая от удара и летящих осколков.

Чэнь Лян тут же загородил хозяина собой и закричал на весь двор:

— Наш молодой господин пришёл с открытым сердцем, принёс драгоценный дар! Что же вы творите, второй господин?!

В это же время у ворот Двора Облачного Павильона, где отдыхала законная супруга Юнь Буши, показалась запыхавшаяся Чжили:

— Беда! Беда! Второй и третий молодые господа ссорятся у Двора Длинного Кедра!

Шедшая следом Чжихуа нарочито громко, чтобы слышали внутри, подхватила:

— Что ты говоришь?! Второй господин избивает третьего господина?!

Из ворот тут же выскочила пожилая нянька и строго прикрикнула на девок:

— С ума посходили?! Чего глотки дерете перед покоями госпожи!

— Что там стряслось? — слышался величавый голос госпожи Ван, выходившей на крыльцо в наброшенной на плечи теплой накидке.

Нянька поспешно склонилась:

— Простите, матушка, нерадивые девки раскричались, потревожили ваш покой.

Госпожа Ван лишь небрежно махнула рукой и устремила холодный взгляд на перепуганных служанок:

— О каком раздоре между братьями вы лопочете?

В этот момент из дверей показался сам Юнь Буши, наспех накинувший верхнее платье:

— Что там за шум? Что опять стряслось с сыновьями?

Чжили и Чжихуа испуганно задрожали, изображая крайнюю степень ужаса. Чжили, всхлипывая, указала в сторону соседнего двора:

— Глава семейства... Второй господин... они с третьим господином сцепились не на жизнь, а на смерть!

Вспомнив дневной разговор с младшим сыном, Юнь Буши помрачнел:

— Идёмте. Поглядим, что там происходит.

Госпоже Ван дела не было до грызни двух бастардов, но порядок в усадьбе держать следовало. Обернувшись к служанке, она сухо бросила:

— Принесите господину плотный плащ.

В сопровождении слуг и факельщиков супруги поспешили к Двору Длинного Кедра. По дороге Юнь Буши спросил жену:

— Я слышал, сегодня днём между ними уже вышел раздор?

Госпожа Ван, поправляя высокую причёску, ответила уклончиво, не желая принимать чью-либо сторону:

— До меня доходили слухи. Кажется, они повздорили из-за какой-то посуды, и в комнате Юньшу разбился набор фарфоровых чаш с лотосом.

Лицо Юнь Буши сделалось суровым. Слова младшего сына полностью подтверждались.

Между тем у ворот Двора Длинного Кедра фарфоровые осколки сияли под луной.

— Зачем же вы разбили подарок, второй брат? — невинным голосом спросил Цзин Юньшу. — Неужели вам так не понравилась пиала?

Юнь Вэнь сделал шаг вперёд, но, натолкнувшись на грозные фигуры Чжун И и Чэнь Ляна, злобно выплюнул:

— Хватит прятаться за спинами слуг! Раз такой смелый на язык — выходи один на один!

Дешёвая уловка не возымела на Юньшу никакого действия. Он лишь слабо улыбнулся:

— Зачем же? Чтобы второй брат и меня избил? Неужели вам совсем не страшно разгневать отца и угодить в родовой храм под розги?

Юнь Вэнь, чьи остатки разума окончательно утонули в вине, взревел:

— Да я тебя прямо здесь придушу! И плевать мне, что скажет отец!

— Мерзавец! — громоподобный выкрик заставил всех замереть.

Из темноты стремительно вышел Юнь Буши. Не дав второму сыну опомниться, он с размаху наградил его тяжелым пинком. Юнь Вэнь, и без того едва державшийся на ногах от хмеля, с

воплем покатился по грязной земле.

Госпожа Ван поспешно подбежала к мужу, преданно придерживая его под руку и поглаживая по груди:

— Ах, господин мой, поберегите себя! К чему так гневаться?

Юнь Вэнь, потирая ушибленный бок, непонимающе уставился на разгневанного родителя:

— О-отец?..

Цзин Юньшу тем временем поспешно опустился на колени прямо в дорожную пыль. Чжун И последовал его примеру.

— Простите меня, отец! — с раскаянием воскликнул он. — Всё произошло по моей глупости. Знал ведь, что второй брат ещё таит на меня обиду, но всё равно пришёл мириться. Моя вина...

Юнь Вэнь, дрожа от ярости, ткнул в него пальцем:

— Ты... Юньшу, ублюдок чахлый! Это всё твоя игра!

Юнь Буши пришёл в неописуемое бешенство от такой наглости:

— До сих пор не унимаешься?! Посмотри на своего брата и посмотри на себя! Какую грязь ты изрыгаешь! Эй, слуги!

Прибежавший на шум управляющий Чэнь замер в поклоне.

— Взять этого негодяя, который не знает ни стыда, ни братской любви! — приказал Юнь Буши.
— Оттащить в родовой храм,сыпать двадцать палок и запереть там, дабы дурь из башки выветрилась!

Госпожа Ван попыталась урезонить мужа:

— Господин... Двадцать ударов — не слишком ли сурово? Может, сначала выслушаем, что натворил Юнь Вэнь?

В этот момент Юнь Вэнь, окончательно обезумев от боли и хмеля, вырвался из рук слуг и с кулаками бросился на стоявшего на коленях Юньшу:

— Сдохни, тварь! Всё из-за тебя!

Слуги едва успели перехватить его. Юнь Буши взревел:

— Вы только посмотрите на этого дикаря! И после этого ты просишь его выслушать?! — гневно бросил он супруге. Затем резко повернулся к слуге Юнь Вэня: — А ну говори, что здесь произошло на самом деле!

Бедный малый, перепуганный до смерти, рухнул на колени и залепетал:

— Я... я стоял поодаль... Видел только, как третий молодой господин что-то тихо сказал второму господину, а тот рассвирепел и выбил чашу у него из рук... Она разбилась.

Юнь Вэнь, которого слуги уже крепко держали за плечи, отчаянно кричал:

— Отец! Отец, он лжёт! Юньшу нарочно принёс эту чашу, чтобы поиздеваться надо мной! Отец, выслушайте же меня!

Цзин Юньшу, всё ещё стоявший на коленях, заговорил дрожащим, угасающим голосом:

— Отец... Это я виноват... Не уберёг покой в семье... Простите... — Его голос оборвался, он вздрогнул и безвольно повалился набок.

Чэнь Лян среагировал мгновенно — подхватил господина под мышки и бережно уложил к себе на колени, отчаянно запричитав:

— Молодой господин! Молодой господин, очнитесь!

Юнь Буши, увидев бледное, бездыханное лицо младшего сына, окончательно потерял терпение:

— Утащить этого мерзавца с моих глаз! Двадцать палок ему и пусть три дня молится в храме на коленях! А вы — быстро за лекарем! Живо!

Ночная буря утихла. На самом деле Цзин Юньшу поначалу лишь притворялся, но из-за сильной слабости и холода действительно погрузился в глубокий, мертвенный сон. Прибывший спешно Божественный лекарь Цинь подтвердил прежний диагноз: сильное истощение жизненных сил, переохлаждение и нервное потрясение. Выписав несколько рецептов на дорогие согревающие отвары, он удалился. Юнь Буши и госпожа Ван, убедившись, что жизни

младшего сына ничего не угрожает, тоже разошлись по своим покоям.

Узнав о случившемся, наложница Ху бросилась к Двору Облачного Павильона умолять о пощаде для сына. Но госпожа Ван даже не пустила соперницу на порог, сославшись на то, что глава семейства уже почивает. Юнь Буши и сам не желал слушать её причитания, сознательно предоставив супруге право прогнать назойливую просительницу.

Не солоно хлебавши, наложница Ху поспешила в холодный родовой храм, чтобы хоть как-то облегчить участь избитого сына.

Юнь Вэнь, чья спина превратилась в кровавое месиво, окончательно протрезвел. Теперь он отчётливо понимал, что угодил в искусно расставленную ловушку Цзин Юньшу. Сгорая от бессильной злобы, он всю ночь напролёт осыпал проклятиями имя брата. Наложница Ху то и дело зажимала ему рот ладонью, боясь, что стражники услышат эти непочтительные речи и донесут главе семейства.

Младший брат Юнь Вэня, двенадцатилетний Юнь Е, видя мучения брата, со слезами на глазах сжал кулачки:

— Этот Юньшу... Он злой! Он чудовище!

Пока в родовом храме кипели страсти, Цзин Юньшу сладко спал в своей теплой постели. Утром от старой госпожи и Госпожи Ван прислали корзины с редкими снадобьями и дорогим женьшенем. Передав наилучшие пожелания, они велели молодому барину не утруждать себя утренними поклонами и заботиться исключительно о поправке здоровья.

Цзин Юньшу именно этого и добивался — ранние подъёмы были для него сущим наказанием.

Эта маленькая победа должна была показать всей усадьбе: тихий калека из Двора Чистого Бамбука смертельно опасен для тех, кто решит перейти ему дорогу. Истина никого не интересовала — важен был лишь результат.

А ещё это был наглядный урок для слуг: его люди принадлежат только ему, и даже невинная попытка пофлиртовать с его служанкой без его дозволения карается жестоко и беспощадно.

Принц Чу: «А у моей жёнушки-то ручки ох какие цепкие... и чёрные».

К сведению уважаемых читателей: Цзин Юньшу вовсе не невинный ангел и добротой не отличается.

<http://bllate.org/book/18296/1765723>